

ХАРАКТЕРИСТИКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В 1941–1943 гг.

*Иерей ВЛАДИСЛАВ СТАСЕНКО
Гомельская епархия*

Представленная статья призвана очертить основные контуры изменений, произошедших в период немецкой оккупации на территории современной Гомельщины в области церковно-приходской жизни. Сами эти изменения, как будет показано ниже, являются яркой иллюстрацией того, что развитие религиозной среды общества нельзя никоим образом отменить, а можно лишь «задержать» на некоторое время, что, в последствии, приведёт к «взрыву религиозной среды», как отмечал отечественный социолог религии В. А. Мартинович [3].

Но прежде чем описывать саму ситуацию на территории Гомельщины в обозначенный нами период, следует отметить некоторые моменты, касаемые развития, церковно-приходской жизни в предшествующий период.

Так, известно, что до начала Первой мировой войны в интересующем нас регионе существовало 174 культовых сооружения (в Гомеле и его пригороде их было 18, из которых 3 представляли из себя часовни). С началом боевых действий только в самом Гомеле действовало 19 таких сооружений, клир которых активно содействовал Вооружённым силам Российской Империи. Рост количества церквей связан с появлением такого феномена, как «военные церкви», которые могли размещаться при военных лагерях (как церковь при Гомельском лазарете) или быть и вовсе передвижными в составе поездов (Николаевская церковь-вагон), но долго настоящие церкви не функционировали [1].

Ситуация изменилась с приходом большевиков к власти. Новая конфессиональная политика, направленная на «зачистку идеологического поля», способствовала тому, что уже к 1920 году в самом Гомеле и округе количество культовых сооружений в виде храмов (коих до советской власти было 15 штук) уменьшилось до 8 [4]. В 1924 году количество церквей по всей территории современной Гомельщины составляло 100 штук [4]. К 1928 году количество храмов в Гомеле и пригороде уменьшилось до 5, 1 из которых был представлен собором [1].

Новым витком в советской конфессиональной политике стал 1929 год: было принято решение об окончательном закрытии всех оставшихся церквей в регионе [5]. Решение было полностью выполнено к 1931 году. Однако де-факто к началу Второй мировой войны неофициально службы продолжали проводиться в Преображенской церкви г. Гомеля.

При этом религиозная жизнь не была «отменена»: в самой БССР верующими на тот период называли себя 57 % населения, продолжал существовать класс клириков, который, несмотря на массовые репрессии 1937–1938 гг. (которые привели к тому, что на 1941 год епископат в регионе фактически отсутствовал) [4], продолжал существовать на конспиративных условиях.

Нацистская администрация при формировании оккупационного порядка решила сделать на это ставку с целью получения лояльности местного населения, что способствовало восстановлению церкви, часовен, монастырей в регионе. Возобновлялось официальное празднование ряда церковных праздников (Рождество, Пасха, Троица, воскресные дни), введение церковного учёта (рождаемости, смертности и брака) [2].

При этом деятельность священнослужителей разрешалась только при получении соответствующего документа от администрации, который являлся маркером лояльности священника новой временной власти. Это же и касалось вопроса получения регистрации приходом: только при выполнении ряда условий приход мог легально функционировать. К ним относились, например, задравные молитвы немецкому руководству, молебны за «скорейшее освобождение от большевизма» и т. д. За выполнением этих требований следил отдел Генерального Коммисариата (Леопольд Юрда), который и ставил священников на учёт в СД [2, 5].

Несмотря на условия жёсткого контроля, количество храмов постепенно восстанавливалось. Так, например, в самом Гомеле к 1943 году благодаря стараниям прихожан возобновили деятельность 5 храмов.

Официальная статистика Н. Гейроха сообщает, что за тот период было восстановлено около 60 храмов, что составляет почти треть от дореволюционного количества культовых сооружений [4]. Однако эту цифру историк Н. Н. Козлова считает неполной, что связано с рядом факторов: партизанское движение, ограничение перемещений клириков, существование «неканонических освящений» (как следствие ограниченных возможностей перемещения) и т. д. [2].

Это же касается и количества священнослужителей в регионе: если ранее историки называли цифру в 43 священнослужителя в тот период времени, то Н. Н. Козлова приводит цифру в 72 клирика (при этом это число не являлось достаточным, т. к. острая нужда в кадрах в условиях ограниченной возможности перемещения оставалась) без учёта «самосвятов» – клириков, которые были поставлены не каноническим путём, а путём избрания членами общины наиболее образованных из них [2].

Итого Н. Н. Козлова, опираясь на данные своих полевых экспедиций и анализа сторонних документов, выявила, что количество работающих культовых зданий в период оккупации составляло 102 единицы, из которых 13 единиц функционировали за счёт священников «самосвятов» [2]. То есть можно говорить о восстановлении на 58,62 % (если учитывать только кано-

нические церкви, то на 46,55 %) от дореволюционного количества православных приходов в регионе.

При этом следует отметить, что показатели могли быть выше, если бы не жёсткие условия оккупационного режима. Известно, что священники, которые уличались в содействии просоветским партизанам, подвергались смертной казни. Так, например, если учесть, что по всей Беларуси за рассматриваемый период было рукоположено 213 священников, а казнено было 42, то можно прийти к выводу, что почти 20 % священства могли быть ликвидированы нацистами (данные основаны на цифрах, приводимых Л. С. Скрябиной) [4].

Приходы же, оказывающие поддержку силам Красной Армии и партизанскому движению, сжигались. Всего за войну таких актов фиксируется 21 единица, из которых два случая приходятся на город Гомель: церковь Рождества Богородицы и церковь Александра Невского [4].

Таким образом, мы можем свидетельствовать о том, что при ослаблении контроля за религиозной средой общества Гомельщины, в рассматриваемом нами регионе случился «взрыв» этой самой среды, что способствовало быстрому восстановлению церковно-приходской жизни в регионе, которому также способствовал рост эсхатологических настроений, вызванный военными действиями [1, 5]. Можно также говорить и о том, что если бы не ограничения, введённые оккупационной администрацией, то рост церковно-приходской активности был бы ещё более стремительным, т. к. не существовало бы ряда издержек, которые свидетельствовали скорее о патриотическом настроении священства и прихожан, нежели об обратном.

Список литературы

1 **Козлова, Н. Н.** Государственно-церковные отношения на Гомельщине межвоенного периода / Н. Н. Козлова // Вестник ПГУ: Гуманитарные науки, исторические науки. – 2018. – № 1. – С. 149–155.

2 **Козлова, Н. Н.** Об особенностях восстановления церковной жизни на Гомельщине 1941–1943 гг. / Н. Н. Козлова // Вестник ГГУ им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1. – С. 20–25.

3 **Мартинювич, В. А.** Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1 / В. А. Мартинювич; предисл. Л. И. Григорьевой. – Минск : Минская духовная академия, 2015. – 560 с.

4 **Скрябина, Л. С.** Православная церковь в годы Великой Отечественной войны (по материалам Гомельщины) / Л. С. Скрябина // Гомельщина. Вехи истории : материалы регион. науч.-ист. семинара. – Гомель : БелГУТ, 2019. – С. 87–91.

5 **Слесарев, А. В.** Гомельская православная епархия в первой половине XX века : образование, развитие, ликвидация [Электронный ресурс] / А. В. Слесарев // Электронная библиотека МинДА. – Режим доступа : <http://elib.minda.by/handle/123456789/171>. – Дата доступа : 07. 11. 2022.